

ДЕНЬ-80

ИВАН
ВПЕРЁД

Иван Вперёд дембель - 80

<https://litres.ru/74292469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Парень эпохи советского застоя, перед началом Олимпиады-80, возвращается домой после 3 лет службы на корабле. Всё тяжелое позади, а радость гражданской жизни переполняет душу.

Иван Вперёд дембель - 80

Глава 1

Радостным июньским днем я ехал в электричке со своей родной теткой к себе домой после трех лет службы на флоте.

Ехал в гражданской одежде, которую последние полгода потихоньку покупал на Сахалине. Мне не хотелось ехать в дембельской форме, привлекая внимание патрулей и любопытных попутчиков, мол, где служил и как тебе служилось.

Форма лежала в чемодане, которую я выслал этой тетке в Москву заранее, для надежности. Три девушки, сидевшие напротив, строили мне глазки, но их привлекал не симпатичный парень, а мои жадные глаза, которыми я смотрел на них. Им в их жизни видимо мало попадалось парней, которые пожирающими глазами смотрели на них. Я три года не видел женщин, и по-другому я не мог на них смотреть. Я их раздевал глазами донуга за секунду, но дальше моя фантазия резко тормозила. «Есть, понял, разрешите бегом», — вот и всё, что могла выдать моя память.

Винтик огромной системы, который безукоризненно подогнали по резьбе, 1114 дней и ночей безостановочно закручивая и раскручивая, и решили положить в ящик запас-

ных винтиков до дней, когда нужно будет это испытанную до блеска резьбу применить в дело. Винтик должен выполнять свою функцию, а не думать о девчонках и сексе.

Моя пожилая тетка уже видела меня в Москве в форме, когда я её гладил и примерял, и теперь, в вагоне, я не оправдывал её надежд, ревновала меня к этим девчонкам, на которых я пялился, по её едкому шепоту мне на ухо, а я смеялся и продолжал пялиться.

Тетка обиженно смотрела в окно. Она помнила меня с младенчества, а её выросший племянник, оказался обыкновенным бабником, ей стыдно перед пассажирами, что, не стесняясь демонстрирует на весь белый свет свою зависимость от женских юбок.

Я, ласкаясь к ней, обнял её за плечи.

-- Тетя Клава, у меня праздник, ты понимаешь праздник, которого я ждал три года. Это не Новый год, который через год будет старым. Мой праздник бывает раз в жизни. Пойми, это даже не свадьба. Свадьбы могут быть и раз, и два, и три.

-- Иван, ты свихнулся. Да, если на каждую вертихвостку будешь пялиться такими глазами, то у тебя и пять свадеб будет.

-- Тетя Клава, не усугубляй. Ты, наверное, забыла свои двадцать три года?

-- В мои двадцать три была война, я на фронтовых дорогах баранку крутила на «Студебекере», а не кокетничала в электричках.

-- Тетя Клава, давай не сегодня. Вот уже «94 километр», через четыре остановки «Савелово». Я пошел переодеваться.

Я, улыбаясь и шутя перед девчонками, извинился за свою слоновость, и подхватив чемодан с багажной полки, пританцовывая упорхнул в тамбур.

В одной половине тамбура стояли трое и курили. Двое мужчин и женщина напротив о чем-то говорили, но при моем появлении замолчали. Их знакомство между собой позволяло с одинаковым равнодушием говорить или молчать. Я встал на другую половину тамбура, положил чемодан на пол, откинул крышку чемодана и начал раздеваться, как 3 года учили этому на флоте. Многому чему научили, но быстрое раздевание и одевание стало рутиной, и когда через тридцать секунд я остался в одних плавках и выдохнул, выпрямившись перед одеванием, то один из мужиков, удивленный моей сноровкой изумленно спросил:

-- Теперь под колеса? Не каждый день такое увидишь в тамбуре.

Женщина откровенно захохотала и захлопала в ладоши.

-- Ротозеи, вы так можете? А парень может. И за эту скорость, и за эту смелость он будет мой, - и повернулась ко мне. Я не понял, почему они так прореагировали, я просто заметил, что они хмельные.

Через минуту на мне была дембельская форма и я оправлял голландку и гюйс.

Тут мои невольные свидетели стали ошеломленными свидетелями. Их расслабленные алкоголем мозги никак не могли поймать мысль, что парень с чемоданом, вышедший в тамбур покурить, за две минуты стал бравым моряком. И когда наконец до них дошло, что я просто дембель, возвратившийся с флота, они так радостно замахали руками и закричали «Ура!», что уже я невольно растерялся.

Они втроём обняли меня и начали целовать и кричать:

-- Защитник наш! Молодец!

-- Теперь мы понимаем, что такое флот!

-- Парень, поехали с нами. Мы тебе такой дембель отметим!

-- Ага, погуляем, оторвемся по полной!

-- Я согласна, я же сразу сказала, что он будет мой!

-- Видишь, Галка, согласна. А она не с каждым пойдет. А с тобой пойдет. В Талдоме выходим. Договорились?

-- Ребята, не могу! Я бы и рад быть с вами, но я с теткой и дома ждут.

-- А мы и тетку с собой возьмем, тетка лишней не будет. У нас лишних не бывает.

-- Спасибо, ребята, спасибо! Но не могу.

И я присел у чемодана, укладывая гражданскую одежду и запирая его.

У моих веселых хмельных попутчиков возникла очередная, но более трезвая идея.

-- Да, парень ты прав, ты должен к матери ехать, а не по

Талдому болтаться, хотя с Галкой ты не болтаться будешь, ты с ней спать будешь.- И захохотал своей пьяной шутке.

Женщина шутливо шлепнула шутника в плечо и уже рассудительно заговорила.

-- У нас есть еще пятнадцать минут. Доставай из портфеля мадеру. Выпьем за парня и за всех, кто в море. Думаю, от такого не откажешься? Как тебя зовут?

-- Иваном меня зовут.

-- А я Галка, ты слышал. Этого шутника Серегой зовут, а этот Александр Сергеевич, но он не Пушкин. Не Пушкин, я точно знаю не Пушкин.

Она, пьяно повторяясь, начала искать в своем пакете стаканы и конфеты.

Мы пожали друг другу руки.

Галка подмигнула мне:

-- Мадера клевая, марочная, на базе в Водниках брали, у нас такой не найдешь.

Непушкин, разлил по стаканам бутылку португальской мадеры.

-- За тех, кто в море, на границе и в венерической больнице, - пошутил он.

-- Ну, и шутки у тебя Непушкин, - отозвалась Галка. - Не можешь тост сделать приличным каламбуром, не берись. Вот будет правильно. За тех, кто в море и в родильном доме, вот они действительные страдалцы, а то плетешь про Венеру.

-- Ладно вам тут счеты выставлять. Замяли. Иван, на пол-

ном серьезе, - и действительно серьезно заговорил Сергей. – Я сам восемь лет назад десантником служил. Службу знаю. Ты Иван, главное, на дембеле не потеряйся, это легко, я знаю. Если что, вот моя визитка, найдёшь, обсудим.

Он протянул мне визитку, приподнял стакан в знак приветствия и выпил. Мы все молча выпили, я отдал стакан Непушкину, взял чемодан и открыл дверь вагона.

Я вновь извинился за слоновость, девчонки, не глядя на меня, подобрали ноги, пропуская к полке. Они были так увлечены своими девичьими секретами, да и парень со своими жадными глазами стал надоедать своим однообразием. Тетка, увидев меня в форме, заулыбалась, вот теперь племянник, как надо быть родному племяннику при московской тетке. Но почувствовав свежий запах вина, улыбку убрала и кипя негодованием зашептала:

-- Ты переодеваться ходил или вино пить?

-- Тетя Клава, ты же видишь, я переодевался. А это меня хорошие люди угостили. В нашей стране хороших людей больше, чем плохих.

-- Да, ты что? С первого дня начинаешь в тамбурах пить. Ты моряк, а не бич.

-- Тетя Клава, всё в этом мире относительно – хорошие люди, плохие, моряки, бичи.

Выпитый стакан марочной мадеры превращал меня из счастливого дембеля в любящего весь мир дембеля. Я крепко обнял тетку и от всей души громко чмокнул в щеку. Тетя

Клава ойкнула, махнула на меня рукой, но в окно уже смотрела улыбаясь.

Мой громкий поцелуй встрепенул девчонок, их склоненные и прижавшиеся головы в неустанном жарком разговоре, разом повернулись ко мне. Я пьяно веселый улыбался и всех сразу любил: и тетку, и девчонок, и всех пассажиров вагона, что они все такие чудесные едут со мной, и радуются вместе со мной. А выражение лиц этих девчонок, когда они увидели меня в морской форме, еще больше веселило меня. Если бы на моем месте сейчас сидел зеленый гуманоид, то такая метаморфоза их удивила бы не более. Шок продолжался с полминуты. За тем как-то сразу они все медленно и интригующе тихо заговорили.

-- А вы откуда едите?

-- С Сахалина.

-- Далеко.

-- Да, не близко.

Я продолжал бездумно улыбаться, и девчонки своими вкрадчивыми вопросами и тоном обаятельных светских львиц убаюкивали бдительность моряка.

-- А вы где служили?

-- А вот на ленточке всё подробно и ясно написано «Морчасти погранвойск КГБ СССР».

-- Нам такая аббревиатура ни о чем не говорит.

Ха, а девчонки, наверное, студентки, аббревиатуру знают.

Попридержи коней, Иван.

-- У меня в первый год была ленточка «Тихоокеанский флот», а два последних - пограницы, но вам это мало интересно.

-- Почему? Нам все очень интересно. Не каждый день беседуем с моряком с другого конца света. Мы вас сейчас пытаться станем. Нам наши юноши коллеги в белых халатах наскучили. А тут повеяло романтикой голубых далей Великого океана.

Ну, вот всё возвращается, возвращается молниеносно! Еще полчаса назад я их мысленно раздевал, не зная, что дальше делать. А теперь в голове вычерчивается точная схема студенческого флирта медиков. Этот флирт на грани фолла: смесь шершавого кокетства, - выпячивание вперед, как высокой груди под тонкой кофточкой, - прилично, но понятно для посвященных, подчеркнуто банальных шаблонов - «веяние романтики голубых далей Великого океана». Это не скрываемое остроумие и тонкий цинизм, так высоко ценимый у медиков, но на котором срываются в пропасть пошлости непосвященные. Сейчас это начнется. Через несколько фраз уже они начнут меня мысленно раздевать, хохоча над моими гениталиями и торжествовать свое превосходство над солдафоном в морской форме.

Ну, вот, я и дома! Здравствуйте, дорогие мои любимые медички! Ну, что ж, вызов принят, посмотрим кто кого!

-- Расскажите нам, как стальной гигант кренился и сто-

нал в бушующих волнах безбрежного океана. В песне это так трогательно, невольно слезы наворачиваются, а вот ваши личные ощущения от перенесенных страданий? Безумно интересно.

-- Милые подруги, это примерно так же, как в вашей медицине. В автономическом атласе нарисовано, в больничной палате продемонстрировано, а на ночном ложе чувственно зафиксировано. Кажется одно и то же, но согласитесь, воздействие на нейроны головного мозга разнится в геометрической прогрессии.

-- Вы точны в своих определениях, всё очень доходчиво и наглядно. Но здесь важно одно уточнение, какой кратностью увеличения объектов при наблюдения пользуются моряки? И затем, в каком масштабе это переносится на карты? Я слышала в вооружённых силах самые популярные масштабы один к пятнадцати, бывает один к восемнадцати, но я не сведущая всегда пользуюсь масштабом один к двадцати трем. Редкий масштаб, но очень доходчивый не только до нейронов, но и до них то же.

-- Голубушка, дело не в кратности и не в масштабе, а в умении профессионально виртуозно пользоваться ими. Я знал на флоте специалистов при двухкратном увеличении и масштабе один к десяти могли показать такие тонкости и нюансы, которые и при масштабировании вашего редкого один к двадцати трем недоступны.

-- Может быть, все может быть, - задумчиво ответила моя

оппонентка.

И я понял, что если я поединок и не выиграл, то держался, не опуская знамя.

-- Девчонки, Савелово, давай на выход.

Тетя Клава сидела задумчивая.

-- Иван, вы что, всё про какие-то масштабы говорили, они в морских картах понимают?

-- Не знаю, тетя Клава, как насчет морских карт, но масштабирование изучили на практике досконально. Ладно приехали. Здравствуй Савелово!